

НА КАКИХ ЯЗЫКАХ ГОВОРIT СТАРИК ХОТТАБЫЧ?

Я ЗНАЮ АНГЛИ_КИЙ,
ФРАНЦУ_КИЙ
и НЕМЕ_КИЙ языки, -
СКАЗАЛ СТАРИК ХОТТАБЫЧ. -
А ВЫ, О ЗНАЮЩИЕ РУССКИЙ,
ЗАПОЛНИТЕ ПРОПУСКИ
В ЭТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ!*

*ИЗ ЗАДАЧИ КОНКУРСА «РУССКИЙ МЕДВЕЖОНОК»
(АВТОР С.А. БУРЛАК)

Языковой барьер, мучительный поиск нужного слова, грамматические ошибки... Ничто из этого не существует для всемогущего джинна Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба, потому что, по-видимому, нет такого языка, которого бы он не знал. «Раз я с вами, – успокаивает он своих юных друзей, когда они очутились в Италии, – то и вас поймут, и вы будете понимать язык здешних мест, как понимаю его я». Тем не менее, собеседники Хоттабыча далеко не всегда могут его понять – как, впрочем, и он их. Попытаемся разобраться, в чём причина таких неудач и почему бывает недостаточно хорошо знать язык, чтобы легко общаться с окружающими. Но сначала выясним, есть ли у старика Хоттабыча родной язык и какими вообще языками он пользуется.

АРАБСКИЙ... ИЛИ НЕ АРАБСКИЙ?

Внимательный читатель повести Лагара Лагина «Старик Хоттабыч» заметит, что её персонажи общаются по меньшей мере на четырёх языках: русском, итальянском, английском и арабском (к ним можно добавить и грузинский – возможно, Хоттабыч разговаривал на нём в Тбилиси). Какой же из этих языков является для главного героя родным? Казалось бы, ответ очевиден: конечно, арабский! Трудно найти более родной язык для сказочного джинна. Примеры из повести подтверждают нашу гипотезу. Когда старик случайно отбивается от своих друзей в метро, он от волнения забывает русскую речь и пытается объясниться с дежурным по станции на арабском. Его брат Омар ругается по-арабски, да и слова «Селям алейкум, Омарчик!» (так приветствует его обра-

дованный Хоттабыч) ясно показывают, на каком языке два джинна привыкли говорить друг с другом.

«Постойте! – возразит придирчивый читатель, имеющий кое-какие лингвистические познания. – Но ведь Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб родился в XVIII веке до нашей эры. А первые надписи на арабском относятся к IV–V векам до нашей эры! На каком же языке Хоттабыч говорил все эти десятилетия с лишним столетий?»

Отвечая придирчивому читателю, можно привести два возражения. Во-первых, язык как средство устного общения обычно появляется гораздо раньше, чем первые записи на этом языке. Про арабский язык считается, что он возник около 2300 года до нашей эры. Таким образом, во времена детства и молодости Хоттабыча (кстати, на сегодняшний день ему 3790 лет) на арабском вполне могли разговаривать, хотя писать на нём ещё не умели. Во-вторых и в-главных, старик Хоттабыч, несмотря на личное знакомство с царём Соломоном, сыном Давида (сам Хоттабыч называет его Сулейман ибн Дауд), исторической фигурой не является, а его подлинная родина – не столько настоящая Аравия, сколько тот воображаемый мир восточных волшебных сказок, который известен нам по «Сказкам тысячи и одной ночи». А они как раз написаны на арабском и, по воспоминаниям самого Лагина, навеяли ему образ Хоттабыча.

ВЫ НА ИВРИТЕ ГОВОРИТЕ?

Рассуждая о лингвистических способностях Хоттабыча, некоторые читатели упоминают древнееврейский язык

(иврит). Напрямую в повести он не упоминается, но несколько аргументов «за» привести можно. Во-первых, с ивритом в той или иной мере был знаком автор повести. Во-вторых, вспомним эпизод, когда Волька в сердцах называет Хоттабыча балдой, а потом, испугавшись, поясняет Хоттабычу, что «балда» означает «мудрец». Слово «балда», пришедшее к нам из тюркских языков, случайно созвучно двум ивритским выражениям: «бааль даат» и «бааль дат». Первое означает «обладающий каким-то знанием» (почти что «мудрец!»); второе – буквально «обладающий религией», то есть «религиозный человек». Не потому ли Хоттабыч так легко поверил в Волькино объяснение, что оно как будто подтверждалось известным ему выражением на иврите? В-третьих, в первой редакции повести Хоттабыч произносил особое заклинание – «странное слово “лехододиликраскало”» (знаменитого «трах-тибидох» у Лагина не было никогда: его придумали позже авторы радиоспектакля). И это «странное слово» – не что иное, как начало иудейского гимна («Лехо доди ликраскало...»). Переводится оно как «Иди, мой друг, навстречу невесте...».

Кстати, и в других сказках загадочные волшебные заклинания нередко оказываются самыми обычными словами каких-то незнакомых языков. Например, заклинание

«Мутабор», превратившее в аистов калифа и его визиря в сказке Гауфа «Калиф-аист», – это просто-напросто латинское «Я изменюсь» (и неудивительно, что оно легко забывалось: ведь для арабов латынь столь же трудный язык, как для европейцев – арабский).

По-видимому, старый джинн действительно знал иврит и использовал его если не для общения (например, с царём Соломоном), то по крайней мере в магических целях.

СТАРИК ХОТТАБЫЧ И НОВЫЕ СЛОВА

Хорошо ли Хоттабыч знает русский язык? На первый взгляд, идеально: он говорит без акцента, не делает грамматических ошибок, и, что показательнее всего, никто не принимает его за иностранца. И всё-таки довольно часто он чего-то не понимает. «Пойдём в цирк, а?» – предлагает ему Волька. «А что ты называешь этим смешным словом, напоминающим чирикание воробья?» – осведомляется старик. А вот ещё один диалог: «Хоттабыч, <...> это ты у меня зачитал учебник по географии? – Да будет разрешено мне узнать, что ты подразумеваешь под этим странным словом «зачитал»?» (На всякий случай ответим на вопрос джинна: «зачитать» здесь значит «взять почитать и не вернуть».)

Очевидно, есть отдельные слова и выражения, которые Хоттабычу незнако-

мы. Их можно разбить на две группы. Одни обозначают такие предметы, места или виды занятий, которых вообще не существовало там, откуда явился герой (тот самый цирк, заграничный паспорт, кино, ледокол, самодеятельность, чемодан...). Другие слова не имеют какого-то особенного значения, но появились в русском языке сравнительно недавно (так, «конкурс», «чемпион» и «штраф» были заимствованы русским языком не раньше XVIII века) или являются разговорными (как «зачитать»), и, по всей вероятности, старик ещё не успел как следует их освоить.

Встречая новое слово, любознательный джинн интересуется, что оно означает. Собеседники иногда отвечают ему синонимом – устаревшим, книжным или принадлежащим высокому стилю. Подобные объяснения Хоттабыч понимает хорошо – ведь именно таким языком говорит он сам. Это язык Шахерезады и Ходжи Насреддина: витиеватая, избыточная риторическими фигурами речь, знакомая нам по переводам восточных сказок и легенд. В повести эта речевая традиция не просто воспроизводится устами Хоттабыча – она переплетается с языком современного мира. Отсюда возникают, с одной стороны, словесные игры, с другой – различные недоразумения. Так, после футбольного матча Хоттабыч

благоговейно называет Вольку «форвард моего сердца» и «стадион моей души», и Волька, несмотря на неожиданность таких обращений, по-видимому, правильно понимает их смысл. А вот со «змием среди мальчиков» старик перестарался: слово «змей», означающее, как потом поясняет Хоттабыч, «живое воплощение мудрости», обычный ученик средних классов воспринимает как обидное прозвище: «– Змей?! – вконец рассвирепел Волька. – Ах, значит, выходит, что я ещё ко всему прочему и «змей»? Спасибо, Хоттабыч, пламенное тебе мерси!..»

* * *

Даны три цитаты из повести, в которых слово современного языка соседствует с книжным или устаревшим синонимом. Эти синонимы заменены пропусками. Попробуйте правильно их заполнить (ответы см. в конце журнала):

– На что ты опаздываешь, о драгоценнейший Волька ибн Алёша? – деловито осведомился Хоттабыч. – Что ты называешь этим странным словом «эк-за-мен»?

– Это то же самое, что _____.

.....

– Посмотри, посмотри, кто там сидит в девятом ряду! – прошептал вдруг Волька <...> – Это совершенно чудесные актёры! <...>

– Ты хочешь сказать, что они _____? – снисходительно улыбнулся старик.

.....

– ...Я могу <...> заткнуть за пояс любого парикмахера-профессионала, или, как вы старомодно выразились, «_____», или, что то же самое, цирюльника, тогда как ни один парикмахер не может заткнуть за пояс меня...